

3 Ф9Р.1
Т782

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
БУРЯТСКИЙ ФИЛИАЛ

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

Выпуск 15

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР *Доб*
СИБИРИ
МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ВЫПУСК I

B

УЛАН-УДЭ 1971

Л. П. КУЗЬМИНА

**ПЕСЕННЫЙ РЕПЕРТУАР РАБОЧИХ СУЧАНСКОЙ
ДОЛИНЫ**

Песни рабочих Сучанской долины Приморского края разнообразны по богатству тематики и художественных форм. Песенный репертуар сучанцев складывался на протяжении многих десятилетий, он тесно связан с богатыми общественно-политическими событиями на Дальнем Востоке. До сих пор в Сучане бытуют старые песни, различные по происхождению и социальному звучанию. Они свидетельствуют о былом богатстве и поэтическом своеобразии песенного репертуара этого района. Это обязывает нас проследить изменение характера песенного репертуара Сучана, определить социально-исторические условия, в силу которых складывалось и бытовало песенное творчество сучанских рабочих, чье классовое самосознание росло и развивалось в тесной зависимости от исторических особенностей конца XIX века и первой четверти XX века.

Начало формирования песенного репертуара рабочих Сучанской долины уходит корнями в историю заселения и развития Дальнего Востока. Этот край к концу XIX века еще представлял собой колонизируемую окраину страны, экономически отсталую, с редким населением, слабо развитой промышленностью и торговлей. Здесь преобладало крестьянское патриархальное земледелие и скотоводство. В конце прошлого столетия целый континент, населенный разными малыми народностями, под влиянием развития капитализма в Центральной России начал втягиваться в мировые рыночные отношения.

Заселение Дальнего Востока шло разными путями: торговцев и промышленников этот край привлекал нематериальными богатствами, крестьяне Центральной России

бежали сюда от крепостной кабалы и безземелья, царское правительство рассматривало его как место казни и ссылки.

Главным источником заселения Дальнего Востока из всех названных выше категорий были крестьяне из европейской части России, Украины и Белоруссии. Острый недостаток земли поднял с насиженных мест крестьян Черниговской и Полтавской губерний. Многие из них осели в Сучанской долине Приморья. Мягкий климат и относительно плодородная земля напоминали им родную Украину, и долина быстро заселялась.

Сучанская долина — один из немногих районов Приморья, который можно было в те времена назвать благогодатным местом. В основном же условия для ведения сельского хозяйства в Приморье были неблагоприятными, что обусловлено очень суровым климатом, излишним количеством влаги в летний период, постоянными наводнениями, часто уничтожавшими все посевы. Не случайно среди архивных материалов о переселенцах Приморского края нередко встречаются прошения на имя начальника Приморского переселенческого управления от крестьян разных уездов о разрешении на переезд в другие места из-за болотистых почв, на которых ничего нельзя вырастить¹.

Особенно страдали от постоянных затоплений крестьяне прибрежных районов. Об их бедственном положении рассказывает один из корреспондентов еженедельной общественно-литературной газеты «Владивосток», в которой он приводит хорошо известную в народе песню о селе Шкотово. Его жители, спасаясь от капризов природы, перенесли свое село на гору. В песне поется:

Как над речкой, над рекой,
Над рекой Цемухой,
Стоит Шкотово село,
Цемухой прежде звано.
Что и Шкотово оно,
На гору его светло...²

Своенравные полноводные реки Дальнего Востока приносили много горя русским, украинским и белорусским новоселам. В результате наводнения уничтожались

¹ Приморский гос. арх., ф. 1, оп. 1, ед. хр. 35 (Материалы о переселенцах, прибывших в Приморскую область).

² Газ. «Владивосток», 1877, 18 января, стр. 5—6.

посевы, затоплялись деревни. Все это нашло довольно полное отражение не только в песнях, преданиях и устных рассказах, но и в частушках. Во многих селах Дальнего Востока сохранились такие песенки-коротушки:

Ты, Приморье, край богатый,
Разливные берега,
От воды спасенья нету,
Каждый год у нас беда.

Или:

На горе посеешь рожь,
Вырастет крапива,
А Амур-река большая,
Берегись разлива¹.

Сучанская долина, менее других подвергавшаяся различным бедствиям, стала пристанищем крестьян из самых различных областей бывшей Российской империи, а также бывших политических и уголовных ссыльных, отбывших свой срок.

Несмотря на разнообразный состав, поселенцев долины роднило крестьянское происхождение, что отразилось на раннем песенном репертуаре, состоящем в основном из классических народных общерусских, украинских и белорусских песен.

Одна из старейших жительниц Сучана М. А. Степанова помнит много песен самого разнообразного характера, которые пела ее мать, переселившаяся в эти края из Черниговской губернии. Участники фольклорной экспедиции Бурятского филиала СО АН СССР записали от нее в 1969 году десятки песен, которые представляют все жанры старинной крестьянской песни: любовные, плясовые, солдатские и другие. В основном это украинские песни, исполнявшиеся в зависимости от времени года: «Ты, мой таточка, соловечка», «Как пуцу стрелу вдоль ж села», «Яровая в поле пшениченька», «Пора, маты, жито жати», «Ох, нету стежечки ни дорожечки», но в ее репертуаре значительное количество и русских песен: например, «Огуречки», «По залугам зеленским»².

¹ Из собрания фольклора Г. С. Новикова-Даурского. Гос. арх. Амурской области, ф. 558, д. 78, оп. 1, л. 28.

² Записаны от М. А. Степановой, 1901 года рождения, малограмотной, в г. Сучане Приморского края в 1969 году. Рукописный отдел Бурятского филиала СО АН СССР (далее РО БФ СО АН СССР), инв. № 3210, папка 6, л. 179.

Знакомом песен и любительницей в прошлом водить хороводы была А. Е. Бельченко, родители которой также были переселенцами из Черниговской губернии. Она помнит ряд интересных хороводных песен, отличающихся высокой художественностью и широким мелодичным напевом. Хороводные песни «Кругом столбика», «Как по ельничку, по березничку», «В хороводе были мы...», как и многие другие, содержат значительное количество игровых элементов.

Несомненно, эти песни содержат в себе эстетические качества, которые обеспечили им столь долгое бытование в песенном репертуаре сучанцев. Огромное, непреходящее значение, прежде всего, имели объекты воспевания, лежащие в основе старинного песнетворчества, — любовь, страдание, счастье и т. д. Достаточно привести бытующую до сих пор в селах Сучанской долины и в целом в Приморье песню «Ты, краса моя, ты девичья», чтобы понять причины ее долготетия.

Ты, краса моя, ты девичья,
Ой, лю-лю,
Ты кому краса, ты достанешься?
Ать и старому, ать и малому,
Ты тому дружку, дружку ровному,
Да полюбовному.
Когда старому ты достанешься,
Я тебя красу, в поясе сношу.
А ты малому ты достанешься,
Я тебя, красу, в чоботе сношу,
Под устилочкой, наступаючи,
Малого черта проклинаючи.
Когда ровному ты достанешься,
Я тебя, красу, в венку сношу,
В венку сношу, на головочку надеваючи,
Ровного дружка вспоминаючи¹.

Продолжительность бытования любовных и семейных песен можно проследить на примере Сучанской долины, где они все еще составляют основу песенного репертуара. Некоторые из них с трагическим содержанием: «Ночной порой», «Песнь о загубленной девушке»².

¹ Записана от М. А. Степановой, 1901 года рождения, малограмотной, в г. Сучане в 1969 году. РО БФ СО АН СССР, инв. № 3210, папка 6, л. 179.

² Записаны от Н. Н. Зинченко, 1907 года рождения, малограмотного, в г. Сучане Приморского края в 1969 году. РО БФ СО АН СССР, инв. № 3210, папка 6, л. 157—161.

Есть песни, которые очень реалистично рисуют измену, раздор в семье и несбывшиеся мечты. Например, в песне «Бывали дни веселые» имеются следующие слова:

Однажды, в конце осени,
Пришел любви конец.
А к ней приезжий с ярморки
Приватал черт-купец.
Тогда она, красавица,
Забыла про меня,
Оставила, покинула,
В хоромы жить пошла¹.

Нами записан ряд тюремных песен, вошедших в ранний репертуар сучанцев по вполне понятным причинам: в них отчетливо выражается протест против существующей действительности. В песне «За тюремной, кирпичной стеной...» поется о тяжелой участи умирающего заключенного, мечтавшего увидеть свободу и мать. Мысль о несправедливости по отношению к простому народу выражена в словах:

Полетели тяжелы оковы
От ударов привычной руки,
Эти ужасы нам уж не новы,
Так погибнем мы все, бедняки².

Можно предположить, что тюремно-невольничьи песни, проникавшие в песенный репертуар населения Сучанской долины, способствовали постепенному изменению его характера, заставляли творцов задумываться над некоторыми вопросами окружающей их действительности и содействовали развитию песнетворчества, осуждающего угнетателей.

Эти первые шаги в области критического анализа жизни и отражения своих выводов в поэтическом творчестве совпали с огромными изменениями в истории Сибири и Дальнего Востока. К началу XX века промышленность и рабочий класс этого отдаленного края России начинают приобретать свое лицо.

По данным первой всеобщей переписи 1897 года, в

¹ Записана от П. Е. Бельченко, 1899 года рождения, малограмотного, в г. Сучане Приморского края. РО БФ СО АН СССР, инв. № 3210, папка 6, л. 189.

² Записана от Н. Н. Зинченко в 1969 году. РО БФ СО АН СССР, инв. № 3210, папка 6, л. 202.

Сибири и на Дальнем Востоке насчитывалось немногим более 20 тысяч рабочих. Эта цифра росла по мере завершения строительства Сибирской железнодорожной магистрали. В 1905 году общая численность рабочего населения Сибири с членами семьи составила уже 1,5 миллиона¹.

Для сибирского пролетариата это было время интенсивного формирования рабочих отрядов в разных отраслях промышленности. Наиболее организованным и сознательным отрядом пролетариата были рабочие каменноугольной промышленности, сосредоточенной к началу 1900-х годов в Кузнецком, Черемховском, Минусинском бассейнах и в Сучанских копах на Дальнем Востоке.

Естественно, что такие изменения не могли не сказаться на поэтическом творчестве населения Сибири и Дальнего Востока, в частности на песенном репертуаре рабочих Сучанской долины, где в 1900 году появились первые угольные шахты. Ранее всего это выразилось в значительном пополнении репертуара за счет песен, принесенных людьми, стекавшимися в Сучан для работы в шахтах. Старожилы, например, утверждают, что такие песни, как «Звенит звонок насчет поверки», «Скакал казак через долину», «Обещал меня папаша за богатого отдать», принесены сюда приисковыми и фабрично-заводскими рабочими из Сибири.

Старейшие жители Сучана братья Житяйкины, Степанова и Бельченко вспоминают, что рабочие, пришедшие с приисков, всегда старались быть вместе. В праздничные дни они отличались яркой одеждой — красные сатиновые рубашки, плисовые шаровары, широкие пояса и разгульные молодецкие песни о том, что:

Бывали дни веселые, гулял я, молодец.
Не знал тоски-кручинушки, как вольный удалец.
Бывало, вспашешь пашенку, лошадок уберешь,
А сам тропой знакомою в заветный дом пойдешь...²

¹ См.: М. К. Витошкин. Революция 1905—1907 гг. в Сибири и на Дальнем Востоке. Чита, 1955, стр. 11.

² Записана от П. Е. Бельченко, 1899 года рождения, малограмотного, в г. Сучане Приморского края в 1969 году. РО БФ СО АН СССР, инв. № 3210, папка 6, л. 190.

Пели и такие песни, как «Ревела баба, муж побил...», «Было время веселое, я с друзьями пировал...» и другие.

С годами все более разрушалась стабильность песенного репертуара, менялась тематика, однако по-прежнему его основой были старинные крестьянские песни, так как этот отряд рабочего класса, будучи промышленным по своим занятиям, оставался крестьянским по происхождению. И все же новизна жизненных интересов и понятий проникала в деревенский быт и разрушала его устои. Этому способствовала усиливающаяся эксплуатация рабочих каменноугольной промышленности.

В начале XX века потребность в каменном угле значительно возросла. В результате его добыча в некоторых коях Сибири и Дальнего Востока увеличилась в 13 и даже в 35 раз¹. При полном отсутствии техники такие темпы возможны были только при условии каторжного труда. Низкая заработная плата, отвратительные жилищные условия, почти полное отсутствие медицинской помощи, никакого культурного обслуживания — вот характерные черты жизни рабочих Сучанских копей.

Судя по расчетной книжке одного из рабочих шахты № 10 и условиям найма, утвержденным в 1897 году, рабочие обязаны были находиться в забое как в дневную, так и в вечернюю смену по 12 часов в сутки. Существовавшая система давала неограниченные возможности хозяевам штрафовать рабочих. В книжке подчеркнуто, что на основании «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» от 1895 года, самым тяжким преступлением является «...участие в стачках, подстрекательство к ним, уничтожение казенного имущества или имущества должностных лиц предприятия»².

Эти краткие официальные данные подтверждают воспоминания старейших шахтеров Сучанской долины, очевидцев тех событий, которые усиливали негодование и ненависть рабочих к угнетателям.

П. И. Дударев, восьмидесятидвухлетний шахтер, проработавший под землей около сорока лет, награж-

денный орденом Ленина, рассказал, что все, с кем он начинал работать, погибли от завалов и других несчастных случаев, а также от силикоза, которым болели в те времена все шахтеры.

Его воспоминания дополнил бывший шахтер, ныне пенсионер П. Е. Бельченко. Он рассказывал, что впервые спустился в шахту еще мальчиком. Вместе с другими подростками в возрасте от девяти до двенадцати лет он заправлял и разносил лампы шахтерам. Платили за эту работу гроши: не более 50 копеек в день. Детям приходилось трудно, так как большую часть времени они находились под землей и нередко теряли сознание. Вспоминая о многотрудной школе шахтерской выучки, П. Е. Бельченко поведал о тяжелой работе коногона: «Опасное это дело. Лошадь даже с завязанными глазами не выносила недостатка воздуха, постоянно набивавшуюся в ноздри пыль и отказывалась слушать тормозного. В результате превышенной скорости вагонетки сходили с рельсов, что нередко заканчивалось завалами и большим числом человеческих жертв»¹.

Почти все бывшие шахтеры Сучанской долины указывали на нечеловеческий труд. Вырубая за день полторы-две сажени угля, шахтер никогда не получал больше чем за одну, остальное шло в руки подрядчика. Штраф был постоянным спутником шахтеров. Они платили за громко сказанное слово, за трещину на стекле лампы, за случайно утеранный обушок и т. п.

Старейший забойщик первой шахты М. П. Богатов в своих воспоминаниях «Наша былая жизнь», опубликованных в сборнике, посвященном пятидесятилетию Сучана, пишет: «...уголь добывали обушком, об отбойных молотках и понятия не имели. Спускаешься, бывало, и мечтаешь: хоть бы уголек помягче попался. Все мы были безграмотные, поэтому во время расчета много денег к рукам подрядчика прилипало. Кроме того, штейгеру каждый раз взятку давали. Без этого нельзя было»².

«Для работы в шахте брали в основном крепких,

¹ Записано от П. Е. Бельченко, 1899 года рождения, малограмотного, в г. Сучане Приморского края в 1969 году. РО БФ СО АН СССР, инв. № 3210, папка 6, л. 228.

² М. П. Богатов. Наша былая жизнь. «Сучан». Сб. посвященный 50-летию Сучана. Владивосток, Примиздат, 1946, стр. 42.

¹ См.: М. К. Витошкин. Революция 1905—1907 гг. в Сибири и на Дальнем Востоке. стр. 28.

² Арх. музея Сучанского дома пионеров, папка № 3.

молодых ребят без семьи. Жили артелью в землянке, в страшной тесноте. Единственным развлечением для рабочего был штоф водки. Получат шахтеры расчет и всей артелью в село Новицкое, там самый большой кабак был. Пируют до тех пор, пока последний грош и всю одежду не спустят, а там опять за обушок по 12—13 часов кряду...»¹.

Кабаки приносили большие доходы местным торговцам, кроме того, правительство постоянно поощряло строительство питейных заведений, так как водка одурманивала рабочих, отвлекала их от «дерзких мыслей».

«...В селе Новицком,— рассказывает М. П. Богатов,— все дома на наши денежки были выстроены. Мы кайлили, а кулаки да подрядчики дома себе строили. Так, подрядчик Мельниченко кирпичный завод поставил, а подрядчик Павленко своих десятников имел. Вся поверхность первой шахты была в его руках»².

Об изнурительном труде шахтеров свидетельствует медицинская служба, которая лечила рабочих только кровопусканием. Это средство считалось весьма целебным, так как утомленные мышцы рабочего после кровопускания вновь приобретали способность сокращаться. Об этом способе лечения подробно рассказывает В. И. Семевский, обвинявший золотопромышленников в зверской эксплуатации рабочих Сибири³.

Настоящим бедствием для шахтерской семьи были болезни и травмы, полученные кормильцем во время работы. Пособий таким семьям не выдавали.

Безграмотность была общим явлением. В единственной школе Сучанской долины на сорок пять мест обучались сынки попов и кулаков, да и та вскоре была закрыта, так как пришла в негодность из-за отсутствия ремонта.

Такое положение было общим для всего Приморья. Газета «Владивосток» обращала внимание общественности на необычайно быстрый рост питейных заведений и полное отсутствие школ. Автор корреспонденции для подтверждения своей мысли ссылается на хорошо известное в Приморье четверостишие:

¹ М. П. Богатов. Наша былая жизнь. «Сучан». Сб. посвященный 50-летию Сучана. Владивосток, Примиздат, стр. 43.

² Там же, стр. 43.

³ См.: И. Семевский. Рабочие на сибирских золотых промыслах, т. 2, СПб., 1898, стр. 233.

Школа земская трещала да упала,
А кабак себе стоял да процветал!¹

Изменение условий труда и быта, а также отдаленное эхо выступлений рабочих в Центральной России в 1900-е годы нашли отражение в поэтическом творчестве шахтеров, но творцы из народа еще не осознали до конца всей глубины враждебной настроенности рабочих против капитала, и она, по словам В. И. Ленина, «...выражалась только в смутном чувстве ненависти против эксплуататоров, в смутном сознании своего угнетения и рабства, в желании отомстить капиталистам»². Справедливость этого вывода нетрудно усмотреть на примере ранних дошедших до нас песен шахтеров. Их поэзия поднимается только до стихийного протеста, выражающегося в недовольстве своим положением. В качестве примера можно назвать бытовавшие среди рабочих Сучанской долины песни «Шахтер» и «Коногон»³. Они представляют собой яркий образец многочисленных песен, созданных на заре становления рабочего класса. Их отличает сюжетно-жанровый характер и стремление к показу конкретных событий и людей. В подобного рода песнях слышатся горькие жалобы на участь рабочих и их семей. В них нет даже намека на возможность улучшения жизни и условий труда рабочих.

В песнях рабочих определенной профессии имеется большое количество общих мест, для передачи которых вырабатываются своеобразные формулы. Нами записано несколько таких песен. Одна из них состоит из следующих куплетов:

Тама есть такая яма
Приогромная, большая.
Ой-ли, да люли,
Приогромная, большая.

Три сажени шириной,
Полторасто глубиной.
Ой-ли, да люли,
Полторасто глубиной.

Прощай, солнце и луна,
Прощай, милая моя.

¹ Газ. «Владивосток», 1899, 18 марта, № 11, стр. 12.

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 102.

³ М. М. Друскин. Русская революционная песня. М., Музгиз, 1954, стр. 67.

Ой-ли, да люли,
Прощай, милая моя.

Шахтер рубит, шахтер бьет,
Что заработит, то пропьет.
Ой-ли, да люли.
Что заработит, то пропьет¹.

В другой песне говорится:

Шахтеры, шахтеры —
Первы люди у царя.
Я не пьяница, не вор.
А я молоденький шахтер.
Шахтер пашеньку не пашет,
Косу в руки не берет.
Только водочки напьется,
Под землю ход ведет².

Совершенно очевидно, что эти песни не полные и в них соединено несколько песен. Прощание с «белым светом» и обращение к «большой яме» вызваны опасностью работы на шахте. Этот мотив порожден спецификой труда и быта шахтеров. К нему на протяжении нескольких десятилетий обращались создатели шахтерских песен. Так, например, на юге России еще в 1887 году С. Видьбиным записана песня «Что шахтерская жизнь проклята». В ней весь сюжет построен на расставании шахтера с «белым светом».

Записи С. Видьбина были использованы Г. И. Успенским в статье «Новые народные песни», в которой он, говоря о каторжном труде рабочих, писал: «Он твердо знает свое ужасное положение, ясно видит, что оно каторжное... Каторжная работа, а рядом с ней кабацкое облегчение и в конце-концов — бесследное истощение и исчезновение человеческого существа с лица земли»³.

Песни шахтеров этого периода по форме близки к традиционным крестьянским песням, так как они по-прежнему составляли основу их песенного репертуара. Однако новые жизненные ситуации выдвигали на пер-

¹ Записана от П. В. Житяйкина, 1906 года рождения, грамотного, в г. Сучане Приморского края в 1969 году. РО БФ СО АН СССР, инв. № 3210.

² Записана от П. Е. Бельченко, 1899 года рождения, малограмотного, в г. Сучане Приморского края в 1969 году. РО БФ СО АН СССР, инв. № 3210, папка 6, л. 174.

³ «Песни русских рабочих (18 век — начало 20 века)». М.—Л., 1962, стр. 68, 252.

вый план рабочего, который все более становится главным действующим лицом шахтерского песнетворчества. Кроме того, в этих песнях намечаются первые попытки акцентировать внимание рабочих на виновниках всех бед и невзгод шахтеров.

Песни такого содержания были записаны в Сучане в 1969 году, все они носят обличительный характер. В одной из них названо имя крупнейшего предпринимателя — Френца, прибывшего в Сучанскую долину в 1900 году во главе группы квалифицированных рабочих для организации добычи угля в Сучанских коях. В этой песне слышны еще не осознанные до конца ноты призыва оценить свое положение:

На земле привольной
Стоит рудник знаменит,
В нем горняк голодный
Роет уголь-антрацит.
А кому ж он роет братцы?
Френцу — богачу!..
И... Эх ты, жизнь моя шальная,
Безнадежная тоска!
На кого ж мы робим, други,
Что валяем дурака¹.

Как видим, в старую песенную форму все более проникает новое содержание, чаще всего выражаемое через показ географического местоположения каменноугольных копей, их владельцев, описание производственных процессов. Обращение к конкретным фактам действительности, стремление к их обобщению — отличительная черта ранней рабочей песни. Несомненно, что малая степень типизации, стремление к фотографичности снижало в какой-то мере художественную ценность песен, но документальность, публицистичность превращали их в действенное оружие рабочего класса.

Создатели рабочих песен нередко заимствовали из крестьянского поэтического творчества наиболее известные мотивы. Так, враждебное отношение к духовенству рабочие перенесли в свой репертуар из устного крестьянского творчества. Образцом антицерковной рабочей песни является «Сказка о попе и черте». Ее пели в Петербурге, Москве, Туле, Сибири, на Дальнем Востоке. охотно помещали в нелегальных партийных песенниках.

¹ М. П. Богатов. Наша былая жизнь. «Сучан», стр. 49.

Текст ее обнаружен и в архивах жандармского управления.

В Сучанской долине эта песня бытует до сих пор. Она появилась здесь, судя по воспоминаниям старожилов, после 1905 года. Особенностью записанных вариантов является отражение в отдельных куплетах с помощью некоторых добавлений и изменений профессионального колорита. Например:

Что им ад! Они и в жизни
Терпят тот же ад. «Пойдем!» —
Черт схватил попа за ворот,
И поднял под облака,
И в мрачную, сырую шахту
Опустил он толстяка...¹

«Сказку о попе и черте» пели на мотив «Из-за острова на стрежень...».

Жители Сучана помнят несколько строк некогда хорошо известной песни, направленной против каторжного труда рабочих:

Англичанин-хитрец,
Чтоб работе помочь,
Изобрел за машиной машину.
А наш русский мужик,
Коль работать невмочь,
Так затынет родную дубину...²

Итак, на рубеже XIX и XX веков песенный репертуар рабочих Сучанской долины начал пополняться песнями рабочего содержания. Несмотря на то, что рабочее движение в Сибири развивалось с некоторым запозданием по сравнению с движением в европейской части России, нельзя не отметить, что закономерный процесс превращения пролетариата из класса в себе в класс для себя все настойчивее требовал от поэтического творчества правдивого отражения жизни. Именно в этот период рабочая песня превращается в «...смелый клич борьбы, где пролетариат сразу же с разительной определенностью, резко, без церемоний и властно заявляет

¹ Записана от П. В. Житяйкина, 1906 года рождения, грамотного, в г. Сучане Приморского края в 1969 году. РО БФ СО АИ СССР, инв. № 3210, папка 6, л. 203.

² Записана от П. В. Житяйкина, 1906 года рождения, грамотного, в г. Сучане Приморского края в 1969 году. РО БФ СО АИ СССР, инв. № 3210, папка 6, л. 229.

во всеуслышание, что он противопоставит обществу частной собственности»¹.

Немалую роль в этом процессе играли первые русские революционные песни-гимны и марши большевистского подполья. Они создавались рядовыми рабочими, поэтами революционерами-профессионалами, тесно связанными с рабочим движением. Песни эти быстро распространялись среди рабочих.

В Сибирь и на Дальний Восток эти песни, отличающиеся революционной устремленностью, проникали вместе с политическими ссыльными и переселенцами. Кроме того, в начале XX века значительно усилилось влияние литературы на рабочее песнетворчество. Это объясняется главным образом общественной и политической активностью самого рабочего класса, которая способствовала быстрому приобщению передовых рабочих к сокровищам книжной культуры.

Среди рабочих Сучанской долины из песен литературного происхождения наибольшей популярностью пользовались произведения Т. Шевченко («Родина»), И. Сурикова («Доля бедняка»), Н. Ривкина («Море в ярости стонало») в стиле народных песен.

Революционная потаенная поэзия и произведения литературного происхождения оказали сильное влияние на песенный репертуар рабочих Сучанской долины. В результате усиливающейся классовой борьбы содержание бытовой рабочей песни освобождалось от чувства отчаяния и мести, впитывало в себя передовые идеалы и требовало коллективного отпора.

В этом отношении представляет интерес тетрадь с записями песен, начатая в 1907 году бывшим шахтером Сучанских копей Н. Н. Зинченко и обнаруженная фольклорной экспедицией Бурятского института общественных наук в 1969 году.

Никита Никифорович Зинченко (1888 года рождения) славился мастерством рассказчика, знал огромное количество песен и забавных историй из жизни шахтеров, нередко сам сочинял песни и рассказы.

Группа фольклористов записала от Н. Н. Зинченко много песен: лирических, сатирических, партизанских и других, но это только часть того, что он когда-то знал.

¹ К. Маркс. Критические заметки к статье «Пруссака». Сочинения, т. I, стр. 443.

О богатстве его песенного репертуара можно судить и по записям в сохранившейся тетради, значительная часть которых приходится на рабочую поэзию. Все эти произведения характеризуются ярко выраженными общительными и революционно-пропагандистскими мотивами.

По словам Н. Н. Зинченко, многие из этих песен он слышал и записал от квалифицированных рабочих, прибывших в Сучан по договору и ранее работавших за границей. «Эти песни пели на мотив русских народных песен, в кругу своих. После начала первой мировой войны я их больше не слышал и сам не пел,— говорит он.

Песню «Кузнец», записанную в тетради первой, приводим полностью:

Я не барин, не купец-белоручка.
Я на фабрике кузнец, вот получка.
Видишь, левая рука вся побита,
А ладонь от молотка как копыто.
На работу я встаю рано, рано.
Ей все силы отдаю без обмана.
Как железо двинешь в жар, разогреешь,
Тут и копать, и угар, одуреешь.
Молоточек мой тяжел, чертовщина.
А возьмешься, так котел, как машина.
И не плачешь, не поешь, и не тужишь,
Знай потеешь да кусь, черту служишь.
День пройдет, уходишь спать, подкрепиться,
Чтоб потом весь день опять так томиться.
Да и то старайся есть понемногу,
И пока работа есть, слава богу!
Есть работа круглый год, распинайся,
Безработица придет, убирайся.
Спи на улице зимой, ешь отбросы,
Не возьмут к себе домой наши боссы.
Им всегда на свете рай, беззаветный,
Ты ж хоть ляжь да помирай, безработный.
Добрый барин, что франтит в новомодном,
За обедом побряхтит о голодном.
Безработных, что ни год, прибывает,
А хозяин свой комод набивает.
Так прошли свой горький путь наши деды,
И теперь нам дают грудь дармоеды.
Мы, рабочие, живем дураками,
Соберемся да пойдем с молотками.
Мне их сабли нипочем да и пушки,
Размахнусь да молотком по макушке.
И посмотрим, чья возьмет, пусть и ваша,
Чем копченый черный путь, смерть мне краше.
Али может быть судьба улыбнется,
Так душа моя, раба, встрепенется.

Мы на хлеб у богачей не попросим,
Обезглавим палачей, цепи сбросим.
Пусть и барин, и купец погуляют,
Как опомнится кузнец, так узнают.
Я на фабрику пойду, чтоб собраться,
Там товарищей найду, выйдем драться.
Правдой взять мы не могли да любовью,
Купим радости земли нашей кровью¹.

В этой песне дается обобщенный образ рабочего и в острой сатирической форме излагается его отношение к различным представителям господствующего класса. В песне есть краткое описание профессиональных особенностей трудового процесса кузнеца, но главное содержание песни, состоящей из сорока четырех строк, сводится не к показу конкретных событий и людей, а к объединению всех рабочих для того, чтобы коллективными усилиями отстаивать свои права на жизнь.

Не меньший интерес представляют и другие песни, записанные Н. Н. Зинченко. Идейное содержание песен «Батраки» и «Этот дом многоэтажный» сводится к мысли, что все эксплуататорские классы угнетают трудовой народ:

Все вы жадны, жестоки,
И бессовестны, лжецы.
В ваших кассах наши соки,
Подлецы вы, подлецы².

Песня «Этот дом многоэтажный» отличается особенно высокой степенью художественного обобщения. Автор песни говорит об изнуряющем машинном производстве вообще и призывает всех рабочих, независимо от их профессии, к осознанию необходимости борьбы.

В песне имеются элементы антицерковной настроенности:

И о боге вы нам лжете,
И пугаете судом,
И законы создаете,
Чтоб вам жить чужим
трудом...³.

¹ Записана Н. Н. Зинченко. РО БФ СО АН СССР, инв. № 3210, папка 6, л. 162—163.

² Записана Н. Н. Зинченко. РО БФ СО АН СССР, инв. № 3210, папка 6, л. 149.

³ Записана Н. Н. Зинченко. РО БФ СО АН СССР, инв. № 3210, папка 6, л. 149.

Судя по идейной направленности, а также по отдельным строкам: «...И выходит, что спасибо боссу жирному тому» или «...Спи на улице зимой, ешь отбросы, не возьмут к себе домой наши боссы...», эти песни из записей Н. Н. Зинченко имели интересную историю и были занесены в Сучанские копи грамотными, революционно настроенными людьми, на себе испытавшими эксплуатацию и унижение не только в России, но и в других капиталистических странах.

Несомненно, эти произведения созданы поэтически одаренными личностями, чья судьба неразрывно была связана с борьбой пролетарских масс, достоянием которых и стало их творчество.

Нельзя не заметить коренного отличия этих песен от раннего творчества рабочих, степень художественного обобщения которого была невысока. Ранние песни отражали слишком специфические условия быта рабочих, чтобы стать достоянием широких рабочих масс. Отдельные произведения в силу чрезмерной локальности изображаемых фактов быстро утрачивали свою актуальность и забывались. Отчасти в этом заключается причина того, что многие ветераны шахтерского труда, до сих пор проживающие в Сучанской долине, помнят лишь отдельные строки или, в лучшем случае, отдельные куплеты многочисленных, некогда хорошо известных рабочих песен.

Следовательно, идейно-художественное содержание поэтического творчества рабочих оформлялось по мере осознания рабочим классом своей социальной силы и приобщения их к передовой прогрессивной революционной поэзии, творцом которой была в основном интеллигенция. На этот факт не раз обращал внимание В. И. Ленин, который, по воспоминаниям А. П. Шаповалова, развил мысль о том, «что вряд ли можно ожидать, чтобы угнетенный рабочий, возвращающийся с фабрики усталый до отупения, мог без помощи интеллигенции создать свое искусство и литературу...»¹.

На практике близость рабочего фольклора к литературе проявлялась в том, что рабочие поэты, как правило, пользовались литературной строфикой и рифмовкой, арсеналом поэтических средств. Они нередко соз-

¹ «Воспоминания о В. И. Ленине», т. I. М., Госполитиздат, 1956, стр. 180.

давали свои произведения на определенные литературные образцы, подражали «Дубинушке», «Марсельезе», «Похоронному маршу» и другим песням.

Изучение песенного репертуара рабочих Сучанской долины показало, что если раннее творчество шахтеров не выходило за рамки традиционной крестьянской песни, то уже более поздние его образцы появились под прямым воздействием развития революционного движения и передовой литературы.

Первая четверть XX века была насыщена историческими событиями. Русско-японская война, первая русская революция, мировая война, Октябрьская социалистическая революция и гражданская война нашли яркое отражение в поэтическом творчестве народа.

Некоторые из участников и прямых свидетелей этих грандиозных событий в жизни человечества до сих пор проживают в г. Сучане. Опираясь на их воспоминания и сохранившиеся в их памяти песни тех времен, можно сделать вывод, что песни, в которых нашли отражение эти события, составляли значительный процент в репертуаре шахтеров.

Их носителями были не только те, кто возвращался с войны, но и те, кто, опускаясь в шахту и общаясь с бывшими солдатами, прислушивался к содержанию песен, трогавших душу своей безыскусственностью и общечеловеческим желанием мира и счастья.

Среди сделанных записей заслуживают внимания отдельные песни, бытовавшие в годы русско-японской и первой мировой войн. По своему идейному и художественному содержанию они неравноценны. В отдельных песнях лишь констатируется тяжесть царской солдатчины и еще нет прямого указания на царя — виновника всех народных бед. В них слышатся отдаленные глухие раскаты приближающейся грозы. Например, песня «Горит свеча в вагоне тихом» представляет собой горькое повествование человека, вынужденного надеть солдатскую шинель:

Шинель меня переродила,
Шинель солдатом назвала,
Шинель стянула мои жилы,
Шинель свободу отняла.

В песне рассказывается, что не суждено было сбыться мечте солдата о возвращении домой после армии:

Прослужил четыре года,
Теперь в запас домой пойду.
И вдруг пришел приказ нам строгий:
Всем собраться на войну...¹

Известность песни зависела от правдивости изложения фактов, простоты и доходчивости образов. Так, песня «Вот вспыхнуло утро»² представляет собой перетекстовку известного произведения и не может претендовать на законченность и совершенство художественной отделки, но она подкупает достоверностью описания боя, героизма и храбрости русских солдат.

В годы первой мировой войны была популярной песня «Трубочка», которая исполнялась не только в строю, но и в короткие часы отдыха. Лирическая основа, связанная с памятью погибшего командира, а также маршевый напев сделали ее широко известной в партизанских отрядах в годы гражданской войны.

Эту песню с удовольствием напел нам Н. Н. Зинченко, выделив при этом последний куплет:

Трубка не продажная, трубка не моя,
Трубочка заветная, добыта на войне,
В память командира досталась трубка мне³.

В неравноценности песен этого периода по художественным и эстетическим свойствам можно убедиться, если сравнить названные выше песни с отдельными фрагментами песен, взятых из записей Н. Н. Зинченко:

Нас и грабят, нас и бьют управители,
И покою не дают разорители.
Не успеешь отдохнуть и оправиться.
Как заправить жало в грудь, черт уж явится.
Эй, ребята, стройтесь в ряд, собирайтесь,

¹ Записана от П. Е. Бельченко, 1899 года рождения, малограмотного, бывшего шахтера, в г. Сучане Приморского края в 1969 году. РО БФ СО АН СССР, инв. № 3210, папка 6, л. 191.

² Там же, л. 135.

³ Записана от Н. Н. Зинченко, 1888 года рождения, малограмотного, бывшего шахтера, в г. Сучане Приморского края в 1969 году. РО БФ СО АН СССР, инв. № 3210, папка 6, л. 137.

На войну вас гнать велят, одевайтесь.
Покачаешь головой и отправишься,
А оттуда уж домой цел не явишься¹.

Песня, из которой приведен отрывок, состоит из пятидесяти строк. Это одно из поэтических произведений с ярко выраженным антивоенным настроением. В тетради Н. Н. Зинченко имеются песни, которые содержат прямой намек на виновника войны. Например:

А венец твой, тот меч, что над нами висит.
Снимут голову с плеч, и венец твой слетит².

В одной из песен очень красочно показана безмерная скорбь и печаль матерей, оплакивающих погибших сыновей. Она заканчивается словами:

То слезы бедных матерей,
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве.
Как не поднять плакучей нве
Своих поникнутых ветвей³.

Нетрудно заметить, что по своей ритмике, по разработке сюжета и композиции эти произведения стоят гораздо ближе к литературной песне, чем к традиционной народной. Авторы этих произведений пока не известны, но не исключено, что некоторые из них были профессиональными поэтами или грамотными рабочими-самоучками, стремившимися к созданию поэзии, близкой к литературной.

Совершенно очевидно, что эти произведения преследовались самодержавием, так как их влияние на массы было очень велико. Не случайно, вскоре после того, как на Дальнем Востоке услышали залпы легендарной «Авроры», на страницах тетради появилась запись хорошо известной революционной песни «Знамя красное уж вьется...»⁴.

¹ Записи Н. Н. Зинченко, сделанные в г. Сучане Приморского края в 1907—1920 годах. РО БФ СО АН СССР, инв. № 3210, папка 6, л. 164—166.

² Там же.

³ Там же.

⁴ «Песни русских рабочих (18 век — начало 20 века)», стр. 230—282.

Все эти произведения проложили стезжку для поэзии гражданской войны, когда Сучанская долина стала центром партизанского движения на Дальнем Востоке.

Особенно популярными среди многочисленных песен сучанских партизан были следующие песни, сохранившиеся по сей день: «Сражен ты ударом судьбы роковой», «Сучан, реченька моя, в наводнение море», «Колчакам, наглецам отомстим», «Ты не вейся, черный ворон» (сучанский вариант), «Чую, ворон, твой обычай» и другие. В основе всех этих песен лежит традиционная народная тема — героическая защита своей Родины и смерть на поле брани во имя светлых идеалов.

Нами записан от бывшего шахтера А. Ф. Прохорова небольшой отрывок, некогда хорошо известной в Приморье песни, в которой при помощи правдивого и художественного осмысления действительности показана кровавая расправа белых банд Калмыкова и японских интервентов над мирным населением Приморья. Это замечательное произведение является памятником жителям и защитникам Приморья, не склонившим головы, несмотря на злодейство бело-интервентских банд. Ее литературным и музыкальным источниками являются стихи Н. А. Некрасова «Назови мне такую обитель».

Укажи мне в Приморье деревню,
Где бы зверь — Калмыков не бывал,
Где невинная кровь не лилася,
Где крестьянин от зла не стонал,
Где японцы совсем не бывали,
Не терзали невинных людей,
Где из глаз не лилися ручьями
Слезы горькие жен, матерей!¹

Бывший шахтер П. Е. Бельченко — участник гражданской войны, награжден орденом Боевого Красного Знамени за отвагу, проявленную в боях под Волочаевкой и Спасском. Вспоминая о боевых делах своих товарищей, он спел наиболее любимые песни своего отряда. Многие из них родились во время тяжелых переходов по глухим партизанским тропам, во время боевых дел и

¹ Записана от А. Ф. Прохорова, 1883 года рождения, бывшего шахтера, награжденного орденом Ленина, в г. Сучане Приморского края в 1969 году. РО БФ СО АН СССР, инв. № 3210, папка 6, л. 230. Полный текст песни см.: «Стихи, песни, частушки времен гражданской войны в Забайкалье». Чита, 1957, стр. 91, 336.

отражали идеалы, ради которых трудовой народ шел в бой за власть Советов, не щадя своей жизни.

Некоторые из этих песен представляют большой интерес. Например, песня «Партизан», исполнявшаяся на мелодию хорошо известной песни «Варяг»:

Туман бледноликий окутал низы,
Равнины и горные склоны,
Утихли раскаты кровавой борьбы,
Утихли команды и стоны.
В окопах сидит молодой партизан,
Болят его руки и ноги,
Он взор устремил в бледноликий туман,
И манит его даль дороги.
Недавно покинул селенье свое,
А много, поди, пережито,
Поди, вспоминают в родимом краю,
Поди, слез немало пролито.
Но дома беда — половина беды.
А здесь беда вдвое суровее,
Походы, сраженья, порой без еды,
Порой без приюта и крова.
Уснуть бы часок, хоть минутку уснуть,
Забиться от дела лихого,
От грязи, от крови, от зла отдохнуть
И встать среди круга родного.
Вдруг выстрел раздался, трещит пулемет,
Проснулись горные склоны,
Палач калмыковец к окопам ползет,
Встают из тумана колонны.
Схватил партизан боевое ружье,
Вперед устремляется смело,
Забыл он родное селенье свое
И бьется за правое дело.
Вдруг что-то горячее в оба плеча
Того партизана толкнуло,
Еще пробежал пять шагов сгоряча
И пал под горячие пули.
Не слышит, не видит бедняк ничего,
Приятна спокойная дрема,
Как мать обнимает рукою его,
И мнится ему, что он дома.
Вот гости, собравшись, сидят за столом,
Все рады негаданной встрече,
Ведет партизан о сражении былом
Правдивые, жгучие речи.
Соседи подносят стаканы вина,
Целуют два старших брата,
Толпятся детишки, смеется жена,
Шумит голова у солдата.
От счастья и радости пляшет герой,
В безумном веселье хохочет.
Вдруг все помутилось, свихнулся ногой,

Свалился и что-то бормочет.
 Наутро его неживого нашли,
 Товарищи грустно вздохнули,
 Насыпали холмик песчаной земли
 И в воздух пустили три пули.
 Так спи, почивай, молодой партизан,
 Тебя не забудут народы,
 Как ты разгонял бледнолицый туман,
 Боролся за дело свободы¹.

Песня поражает глубиной чувств, всесторонним эмоциональным охватом. В ней звучит понимание необходимости борьбы за правое дело. Раздумья и мечты партизана представляют собой обобщенное выражение надежд и чаяний всех, кто вынужден был защищать свой кров от империалистов и белогвардейцев. Желания партизана звучат по-человечески просто, но для их исполнения необходимо пройти тернистый путь борьбы, не жалея жизни.

По своему строению и мелодии песня напоминает солдатскую, но по идеалам, воспетым в ней, относится к произведениям, рожденным после Великого Октября. Несмотря на то, что песня имеет трагический конец, в ней звучит оптимистическая вера в скорую победу.

Мы подробно остановились на песне «Партизан», так как встретили ее впервые. П. Е. Бельченко утверждает, что она создана одним из партизан в дни подготовки к штурму Волочаевки.

В записях Н. Н. Зинченко есть две партизанские песни: «Партизан» и «Партизан Андрей», Песня «Партизан» представляет собой переделку некогда хорошо известной казачьей песни:

На коне вороном выезжал партизан.
 Сабля острая с ним, две гранаты, наган...²

Песня «Партизан Андрей», судя по содержанию и обстоятельствам, при которых она была записана, относится ко времени Великой Отечественной войны. Это поэтический рассказ старушки матери, потерявшей мужа-партизана в годы гражданской войны. Она вырасти-

¹ Записана от П. Е. Бельченко, 1899 года рождения, малограмотного, в г. Сучане Приморского края в 1969 году. РО БФ СО АН СССР, инв. № 3210, папка 6, л. 196—198.

² Записано от Н. Н. Зинченко, 1888 года рождения, малограмотного в г. Сучане Приморского края в 1969 году, инв. № 3210, папка 6, л. 144.

ла сына, который в годы войны ушел в партизаны и погиб от рук фашистов. Несмотря на большую утрату, мать гордится сыном:

Стал ты самым храбрым, врага крепко бил,
 Орден со звездой на груди носи¹.

В этой песне, как и в других партизанских песнях, гибель героя воспринимается как необходимая жертва за торжество свободы.

В годы гражданской войны в Приморье было создано много частушек. Они составляли часть песенного репертуара рабочих Сучанской долины. Наряду с оригинальными частушками, в Сучане бытовали частушки, возникшие под влиянием, а нередко и на основе партизанских песен. Они представляли особую ценность, так как несли в себе мотивы бодрости и веселого юмора, необходимые в тот период. В 1919—1920 годах жители Сучана пели:

Эх, и милый мой хорош,	Наши сопки занимают,
В партизаны коль пойдешь,	Пулеметы такают,
Но еще ты будешь лучше,	А японцы удирают,
Коль японцев расшибешь.	Только шпоры звякают.

В горы реки не текут,
 А под горы льются.
 Партизаны белых бьют
 И при том смеются².

Именно такого содержания частушки имел в виду А. М. Горький, когда в одном из писем выражал веру в неугасимые силы народа и призывал к продолжению борьбы за справедливость. Он писал: «Они, люди эти, самое ценное земли. Они наша посылка в будущее. Вот они сочиняют преуморительные частушки и вот смеются над своими физическими терзаниями жизни. Знаете — это превосходнейшая штука — осмеять физическое...»³.

Анализ песен сучанских партизан был бы неполным без упоминания произведений выходца из народа Константина Леонтьевича Рослого, родившегося в 1898 году в деревне Перетино Приморского края.

¹ Там же, л. 143.

² М. П. Богатов. Наша былая жизнь. «Сучан», стр. 59—60.

³ М. Горький. Собрание сочинений в 30 томах, т. 29. М., 1954, стр. 101—102.

Свои ранние стихи К. Л. Рослый публиковал в различных дальневосточных газетах в 1916—1918 годах, расцвет же его творчества совпал с началом партизанской войны.

В 1919 году в Сучанской долине вспыхнуло восстание против белогвардейцев и японских интервентов. В эти дни руководители партизанского движения Сучана обратились к жителям со следующим воззванием: «Пламя революционного восстания рабочих и крестьян охватило все села Сучана. Вот уже неделя как восставшие против белогвардейщины и интервенции красные партизаны выдерживают бешеный напор банды генерала Смирнова... Мы восстали потому, что страстно хотим помочь нашей Советской стране свергнуть палача Колчака. Восстановить Советскую власть в Сибири и на Дальнем Востоке. Помогите нам, организуйте партизанские отряды... Да здравствуют Советы!»

На призыв откликнулась вся молодежь Сучанской долины. К. Л. Рослый вступил в отряд Н. К. Ильюхова и вместе с товарищами из деревни Перетино встал на защиту Советской власти.

Произведения К. Л. Рослого, написанные в это время, перекликаются со страстным призывом руководителей восстания к каждому жителю не уступать ни пяди земли, завоеванной революцией. Так, когда партизанские отряды отступили под напором белогвардейцев и интервентов к бухте «Ольга», К. Л. Рослый написал и напечатал в «Партизанском вестнике» песню, ставшую популярной во всех партизанских отрядах:

В стране под «Ольгою» гонимой
Жила родная там семья.
Отец был пахарь мной любимый,
Работал вместе с ним и я.
Японцев злое ополченье
Напало ночью на село,
Огонь пожрал наши строения,
И все живое замерло.
В тылу отцовскую берданку
Сломал в неравном я бою,
Зажав рукою крепко рану.
Я не щадил и жизнь свою...¹

¹ Н. Н. Матвеев-Бодрый. Воспоминания о поэте Константине Рослом. Арх. газеты «Красный сучанец» в г. Сучане Приморского края.

Эта песня впоследствии стала подлинной походной песней, насчитывающей десятки различных вариантов.

В трудные минуты, когда партизанские отряды вынуждены были находиться в глубокой тайге, когда им необходимы были свежие силы, К. Л. Рослый, находившийся в это время при штабе Сергея Лазо, вновь обратился к рабочим и крестьянам со стихотворным призывом собрать последние силы и разгромить врага. Стихи написаны в эпическом стиле. Они легко поддавались переложению на музыку и вскоре стали известны далеко за пределами Сучанской долины.

Мы приводим два заключительных куплета этого замечательного произведения, проникнутого верой в свой народ:

Где ж вы сильные, где ж вы гордые,
Где вы смелые, непокорные?
Ведь в Руси моей рать несметная,
Трудовых людей с сердцем пламенным!
Собирайтесь, да сходитесь!
Вам поможет он, Ленин-батюшка,
В деле праведном он поможет вам:
Нечисть вымести, на широкий путь правду
вынести!¹

Многие из произведений К. Л. Рослого были подхвачены народом и стали популярными. Оторвавшись от автора, они распространялись устным путем, как произведения традиционного фольклора. Например, до сих пор бытует песня «Варнак», в основу которой положены стихи К. Л. Рослого:

Схоронили живьем, постарались —
В поназемном гробу над замком,
Так и сгнил бы угрюмым кандалыщиком,
Окрещенным цепным варнаком².

Изучение творческого наследия К. Л. Рослого, которое развивалось в рамках массовой устной поэзии, представляет большой интерес. Его ранние произведения, разбросанные по различным изданиям Приморья, проникнуты революционным духом и ожиданием свободы. К сожалению, многое из того, что было им создано, исчезло бесследно.

¹ Газ. «Советское Приморье», 1968, 29 октября, стр. 5.

² Там же.

Таким образом, представленный в данной статье песенный репертуар рабочих Сучанской долины конца XIX века — первой четверти XX века не может претендовать на полный охват песенного богатства края, так как он представлен только произведениями, записанными нами в Сучанской долине у живых носителей народной поэзии наших дней.

Несомненно, дальнейшее изучение этого некогда богатого и разнообразного песенного наследства позволит подробно проследить исторический путь поэтического прошлого всех отрядов пролетариата Сибири и Дальнего Востока.

Р. П. ПОТАНИНА

О ТРАДИЦИОННОЙ СВАДЕБНОЙ ПОЭЗИИ СИБИРИ

(По материалам экспедиций 1960—1969 годов)

Свадебные обряды — одни из самых древних и интересных обрядов, на протяжении многих столетий сопровождавших знаменательные моменты в жизни человека. Они складывались народом веками, шлифовались, менялись под влиянием новых условий жизни и соприкосновения с другими народами и племенами.

Свадьба (какой она была в далеком прошлом и в конце XIX — начале XX века) складывалась из нескольких обрядов, каждый из которых был приурочен к отдельному моменту свадебной церемонии и сопровождался циклом определенных, обязательных для каждого района или села песен, припевок, причетов, «дразнилок», наговоров и шуточных хороводных игр.

Свадьбы не справлялись абсолютно одинаково в одном селе. Точно исполнялись только основные обряды и песни, но в каждом отдельном случае были элементы самостоятельности в выборе песен, игр. Помимо обязательных песен, исполнялись и несвадебные, но созвучные настроению собравшихся песни, чаще всего лирические любовные или семейно-бытовые с жалобами женщин на тяжелую жизнь в чужой семье.

Как и любой вид народного искусства, свадебная поэзия и сама свадьба не были чем-то застывшим, неизменяемым. С течением времени свадьба становилась все более разноликой: ослабевали каноны, усиливалась роль импровизации, что в конечном итоге привело к разложению обряда традиционной свадьбы. Длительный и сложный процесс распада обряда свадьбы был обусловлен социально-экономическим развитием общества. Ни один обряд не создавался искусственно, а был вызван к жизни необходимостью. С изменением ус-